

КУЛЬТУРА

Конвичный переделал оперу Моцарта в комикс

Куклы играют в любовь

Поляра Садых-заде

Следуя принципу делать «народный театр», самый модный оперный режиссер Германии Петер Конвичный опростился в «Cosi fan tutte» до невозможного предела. Слов нет, представление получилось смешное и занятное — в духе балаганного кукольного театра, с преобладающей комической интонацией. Идея подана так внятно, буквально на пальцах, что ее сможет изложить и ребенок. Вот она: две пары невинных влюбленных, не знающих искушений чувственной любви, живут в пышном райском саду. Их искушает коварный змей — Дон Альфонсо: поддавшись соблазну, они теряют невинность и изгоняются из рая под грохот грома и сверканье молний. И начинают осваивать науку «взрослой» любви. Ученье дается им непросто, но в конце концов они познают себя, свое место в реальном мире и находят истинную любовь.

Вступая на опасный путь подмен и переодеваний, герои шутят с самим Эросом, не подозревая, чем чревата эта игра. А когда райский сад раскалывается на кусочки и сцена наконец раскрывается во всю глубину, дети-влюбленные вырываются на вольные просторы свободы выбора: над головами их — голубое небо, в душе вызревает нравственный закон.

Начинается же зрелище с жонглирования словами. Покуда идет увертюра, поверх занавеса вывешивается табличка «Так поступают все». К фразе тут же высовывается окончание — «женщины». С ней спорит другая табличка — «мужчины»! Пока зал хохочет, ниже всплывают слова «все свиньи», «все крокодилы», «все австралийцы» и даже «картофельный салат». Когда битва слов достигает апогея, появляется стыдливое резюме: «мужчины другие» (то есть им можно, а женщинам — нельзя).

Когда зал доведен до критического градуса веселости, занавес распахивается и взору открываются фотообои: вид типичной немецкой кондитерской

со столиками, кельнером и барной стойкой (художник — Йорг Коссдорф). На авансцене сидят и выпивают два юных и очень доверчивых кавалера, облаченных в розово-голубые мундиры. Кавалеры самозабвенно нянчатся с куклами: одна в розовом платьице, другая — в голубом (цвета беспорочного младенчества).

За соседним столиком заботливая лосиха нежно кормит своего благоверного лося мороженым с ложечки. Мягкие плюшевые головы трутся друг о дружку, плюшевые губы приподнимаются, обнажая желтоватые зубы. Никто не обращает внимания на странную пару: подумаешь, лоси в кондитерской! Сюрреалистический прием — нереальной реальности — сразу же манифестирует намерения режиссера: спектакль будет с гротескными вывертами. И впрямь: очень скоро обнаруживается, что его герои — всего лишь дети, заигравшиеся в куклы. И сами они стали куклами, живущими в игрушечном мире. Смазливые, слезливые, добрые — но не всамделишные. Им понадобится испытать настоящее горе разлуки, страдания неутоленной страсти, жгучую ревность и тоску, чтобы превратиться в настоящих людей, с живыми чувствами и реакциями.

На пути превращения в «человеков» герои проходят промежуточную стадию и становятся животными. В разгар эротической игры они подражают кошкам: ползают на мягких лапках, мурлыкают и облизываются. Намек на будущее превращение задан с момента появления переводчиков «турками» кавалеров: они эффектно появляются в огромных чалмах, на плечи наброшены шкуры леопарда и тигра. Но чаще они бегают по сцене в беззащитно-оголенном виде, в белых майках с кальсонами. Коварный Альфонсо — старый завистник — бесстыдно ободрал с них мундиры, как шкуру с бананов; обмотал красными бантами и преподнес их в подарок бывшим невестам. Новые куклы оказались лучше: они были живые. И куклы прежних женихов,

пересыпанные нафталином, отправились в картонные коробки — еще и наподдали ножкой напоследок.

Голые, дрожащие и смущенные, герои пытаются познать правила «взрослой» любви — ушибаясь и больно обжигаясь на каждом шагу. Обжигаться было обо что: во втором акте на сцене наливаются оранжевым светом три электрические конфорки. Огненные спирали отражаются в огромном зеркальном диске, наклонно повисшем над сценой. Из центра горелок то и дело вырываются клубы дыма: похоже на адские испарения серы. Затухнуть горелки может лишь целомудренная Дорабелла, упав на них ничком, да и то ненадолго. Потому что недолго остается целомудренной.

Финал «Cosi fan tutte» — сущее мученье для постановщиков. Моцарт не дает однозначного ответа: вернуть женихов невестам или оставить все как есть? Режиссеры в разные времена решали финал по-разному, в соответствии с господствующими моральными нормами. Конвичный же поступил иначе: не стал развязывать гордиев узел, а разрубил его. То есть просто снял проблему, оставив вопрос «кто с кем» открытым. Его герои, допев свои партии, обращаются к залу: так как им быть? Предлагаются варианты: если Дорабелла (Сюзанне Крейш) выйдет замуж за Феррандо (Клаус Кюттлер), тогда Фьордиллиджи (Татьяна Гаждик) достается Гульельмо (Николас Сайлас). Или наоборот? А может, соединить Феррандо с Гульельмо? (кавалеры обнимаются; смех в зале).

В общем-то Конвичный этого и добивался: чтобы получилось весело, в истинно немецком духе, с немецкими шуточками и прибаутками. Однако комичность порой перерастает в комикование: но режиссер рассчитывал не на эстетов, а на тех, кто любит рассматривать картинку комиксов, обожает потолкаться на рождественских ярмарках и катается там на каруселях. Для взрослых, сохранивших детскость в душе.